

Алёна
Васильченко

СИНИЕ ЦВЕТЫ

МОЯ ПЕЧАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

За небеса, степные дали,
за колосистые поля,
за наливные урожаи
люблю тебя, моя земля.
Люблю за волны рек могучих,
шатры диковинных ветвей,
и за апостоловы кручи
с седыми ликами церквей...
Люблю твою тропу лесную.
и красный мак, и сладкий мёд.
огнями рощу расписную,
где солнце бледное встает;
ухабы, глинистые дали,
озер изорванное дно,
дорог морщинистых печали,
цветы твои и мяты, но
я не люблю тебя за горе
и кладбищ безразличный лик.
За нищету, что комом в горле,
за то, что мается старик
в руках с последней коркой хлеба,
за лживый холод февраля
и за заплаканное небо –
я не люблю тебя, земля!
Я ненавижу за бессилье,
и туч ненастных синяки.
За искалеченные крылья,
и кулаки, и медяки.
За заблудившихся во вьюге.
За детский плач и пьяный бред.
За то, что вижу я в округе
так много лиц. Так много бед...
За деревенские пожары
и синеву далеких звезд,
за полудрему песен старых
у искореженных берез...

За осень, тонущую в рыжем,
бесстыдно плечи оголя –
люблю тебя и ненавижу,
моя печальная земля...

ВИШНЕВЫЙ ДОМ

Мне снится дом... У леса на опушке.
Ленивый день разлегся на окне,
и маленькая серая кукушка
мои года считает в тишине...
Боясь глазастой, осторожной кошки,
тайком свивают ласточки приют,
и пахнет земляничное лукошко,
поставленное кем-то на скамью...

Мне снится дом, уставший от жары,
взбешенной у июля на закате...
И легким роем пляшут комары,
хватая вишни старые за платья...
В тени деревьев – будто огоньки –
малины гроздья, налитые летом.
Приходит белый аист – у реки
полюбоваться сумеречным светом...
На васильки садятся жадно пчелы:
нектар росой струится в хоботок,
и бьются груши: сладкий, нежный сок
хозяйкам утром пачкает подолы...

Мне снится дом, в котором три окна.
В нем занавески снежны от крахмала,
пуховое, цветное одеяло
и скатерть из льняного полотна.
А где стена – там старые портреты:
и грустно смотрят добрые глаза...
Там образа и вербная лоза.
И Бог-младенец плачет, не одетый...



Как самоцветы – угольки в печи.
 Горячий хлеб –
 ржаной, с душистой коркой!..
 И я рыдаю, как ребенок горько,
 ища от дома этого ключи...
 Молчи. Молчи.
 Молчи, колдунья-тьма!
 Мне снится дом.
 Не смей сдаваться свету!..
 Я чувствую ведь землянику эту!..
 Я вижу эти груши у холма!..
 Там – пелена рассветного тумана:
 я чувствую – он льется по плечу...
 Там где-то – мама.
 На крылечке – мама!..
 Пусти меня, я так туда хочу!..
 Там все в цветах.
 Там не святое – свято.
 Вишневый рай...
 Нет! Лучше, чем в раю...
 И я приду. Приду туда когда-то.
 И там с кукушкой – жизнь перекую...

МЕДОВЫЕ ПЧЁЛЫ

Цветут ромашки нежные
 на шёлковых полях,
 ветра парят мятежные
 в высоких ковылях.
 Река журчит бездонная,
 целуя берега,
 и дарят ночи тёмные
 на травы жемчуга...
 Глядят берёзы кроткие
 в зеркальные пруды,
 к венчанью в платьях сотканых –
 вишнёвые сады,
 а в тех садах – да ласточки
 без умолку кричат.
 А бабушки на лавочке
 баюкают внучат...

Несутся тучи, стонучи
 и не вернутся вспять.

Рыдает небо по ночи,
 чтоб летний зной унять.
 Туман луга укутает,
 а звезды испокон
 баюкают, баюкают
 младенцев у окон...

Как тонок стан рябиновый,
 чей сарафан до пят.
 Дожди округу пыльную
 водою окропят..
 Река опять нахмурится
 да лодку унесёт.
 Теленок мамке жмурится
 и молоко сосёт,
 и слышно, как украдкою
 целует горячо
 в саду тенистом яблоня
 своих медовых пчёл...

МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

Прости, зима. Мне очень жаль,
 что все тебя считают грубой,
 и прячась под собольей шубой,
 от снега первого дрожат.
 Мне жаль, что ночи сторожат
 твои долины и овраги,
 что воют волки-бедолаги
 и льды могильные лежат.
 На вёсны степи ворожат,
 устав от ветра злобной брани,
 и в небе синем утром ранним
 не видно маленьких стрижат...

Мне жаль, зима, что ты, любя,
 белила тонкие березы,
 но лишь ударили морозы –
 все отвернулись от тебя.
 Прости меня, зима, за тех,
 кто видит грязь на белоснежном,
 и окна затворит небрежно,
 не слыша твой звенящий смех...
 Прости за тех, кто слезы льет
 по лету, что настанет вскоре,
 тобою называет горе,
 и чтоб согреться – много пьёт.

Что уходящий за порог
обронит, мол: «зима» меж нами,
за тех, кто скрылись за стенами,
боясь – не промочить бы ног.

За тех, кто видит – но незряч.
Кто не находит в стуже проку,
кто сед и стар еще до срока,
за тех, кто сердцем не горяч:
не рад безбрежному раздолью
да ищет повод для беды...

Не любит зимние сады,
а только – пышные застолья...
За тех, прости, чей жар угас,
кто не зовет тебя подругой,
и, ранним утром, слыша вьюгу, –
лишь непогожий видит час...

ДОГОРЕЛО ЛЕТО

Догорело лето... Теплые рассветы
убежали тихо, оставляя дом...
Дождь седлает тучу в старую карету,
и крадется Осень в платье голубом...

Словно балерины, листики рябины
в пируэтах ветра просятся в окно...
И бросает Небо красные рубины
на земли озябшей, мокрой полотно.

Тихими шагами, белыми ногами
раненое Солнце убежало в лес.
И вздохнуло Поле серыми стогами,
протянуло, плача, руки до небес...

Вечер над рекою не найдет покоя...
Лес чернеет в рясе, как седой монах.
В шелковистом платье тонкого покроя,
Осень раскачала лодку на волнах...

Тише... тише... тише –
 Видите? – По крыше
Дождь идет неслышно,
 платьями шурша.
И садится прямо на отвесной нише –
и рисует... Слышен скрип карандаша...

И плывет отважно
 тонкий холст бумажный
белой каравеллой водосточных вод:
как осенней прессы
 лист однотиражный...
как остатка лета ненадежный плот...

Все опять сначала... Осень обвенчала
грозовые тучи, солнце и луну...
И одну рябину – сто ветров качало.
И одни болезни – на одну страну...

Догорело лето. Только слышно где-то
трели-отголоски журавлиных арф...
Голые аллеи – и душа раздета.
И на смену платью – потеплее шарф.

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

У войны не женское лицо.
Нет на нем веснушек и морщин...
Грудь ее наполнена свинцом,
а в душе – хохочут палачи.
У неё – не женские глаза:
в них не видно искренней вины.
На щеке лишь капля-бирюза
женщине досталась от войны.
У неё – совсем не бабий путь:
слово – ложь; прошенья, как упрек.
Кто в ней отыскал девичью суть
и девичьем именем нарёк?..
Роет ямы в роще меж берез.
Не жалеет стариков, детей...
У войны не будет женских слез –
в тех слезах статистика потеря.

Холодна, как зимняя метель,
и быстра, как речка в берегах.
Женщине – баюкать колыбель.
а войне – баюкать бы врага.
И, со страхом все вокруг круша,
засевать гнилые семена.
У войны – не женская душа:
не умеет веровать она...
Не садится ночью на крыльцо.
На рассвете не шепнет: «люблю».

Не наденет на руку кольцо –
разве только на шею петлю!..

Кто сравнил по крови, за родством,
наших нежных Машенок да Кать
с этим злым, безликим существом,
с этим страшным словом: «воевать»?..
С небом, где царила тишина,
а сегодня вижу я беду?
Имени-названия «война»
не достоин даже черт в аду!

Да гори ты, стерва, на костре!
Чтоб, как в пекле, было горячо!
Женщина – как солнце на заре,
а война ей целится в плечо...
Пусть утопят голос твой дожди!
Пусть гроза твою пронзает грудь!
Уходи из дома, уходи –
и назад дорогу позабудь...
Нам с тобой не жить в одной избе.
Нам с тобой – одних не целовать.
Я устала думать о тебе
и смотреть на мертвенную гладь.
Мне к тебе не плакать, как к сестре,
не смотреть на воронов орду.
Да гори ты, стерва, на костре –
я сама пожарче разведу! –
Чтобы ты беду не родила,
чтобы не был брат тобой клеймен.
Чтоб вовек назваться не смогла
ни одним из девичьих имен!..

КОТОРЫЙ ДЕНЬ ПОДРЯД

В мой дом который день подряд
не ходят гости. Только ветер
сидит на старом табурете,
да галки чёрные галдят...
Мой дом закрыт. Он тих и пуст.
В нём запах пряностей осенних,
и с полок книжных сам Есенин
стихи читает наизусть...

Всё ранят мысли – кто больней,
и эхо, будто филин ухнет,

а одиночество на кухне
гремит посудой моей.
Крадётся около дверей
котенок чёрный, словно сажа.
И ночь с бессонною поклажей
ведёт теней-поводырей...
Небес полуночных наряд
с зарёй – как вишни увяданье,
и летний дождь свои рыданья
мне подливает, словно яд.
А в окнах – не зажгут огня,
засов не скрипнет. Только ветер
сидит на старом табурете
и держит за руку меня...

ЗИМНИЕ СВИРЕЛИ

Не поют перелетные птицы,
не слышать соловьиные трели.
Лишь туман над долиной клубится,
и играют ветра на свирели.

Опустело безмолвное поле,
облака зарыдали со скуки...
Заломали деревья от горя
омертвевшие голые руки.

Не ласкает речная прохлада –
словно мачехи холод во взгляде.
И зеркальная отмель речная
изо льда примеряет наряды...

Не согреет уж солнце, как прежде.
И печальны дороги в округе.
А березы хватают небрежно
за рукав одичавшие вьюги.

На земном опечаленном лоне
зелены только сосны и ели,
да и те – изогнулись в поклоне,
благодарно встречая метели.

И бушует ненастье в хоромях,
овладевшее чащей лесною,
там где осени поздней истома
повстречалась с холодной зимою...

НЕЗАБУДКИ

Подари мне, небо, незабудок рощу:
 синие долины, голубые сны...
 Где озер глубины бережно полощут
 вековые корни плачущей сосны.

Там, где тонет солнце
 светом золотистым,
 подари мне, речка, голубой веноч.
 Убегают лето по полям зернистым
 от ночей холодных –
 прямо на восток...

Лепестки у лавки... Синие булавки
 впились в невесомый голубой шифон.
 Разложила осень яблок на прилавки:
 сладких, как конфета,
 красных, как огонь.

Разыгрался ветер,
 мнет мне платье грубо.
 Падают с прилавка яблоки, звеня...
 Рассмеётся осень – и подставит губы,
 а взамен – попросит душу у меня...

Запоздалый вечер потерял рассудок.
 Окатила берег сизая волна.
 Подари мне, месяц, синих незабудок, –
 положи их ночью прямо у окна.

Принеси их ветром,
 с голубою лентой,
 в ливне беспокойном,
 в лапах темноты!
 Я во сне увижу, как уходит лето...
 А в руках у лета – синие цветы...

ЛЕТО УХОДИТ ОТ НАС

Ивы склонили печальные головы,
 грусть укрывая свою.
 Берег зеленый, росой околдованный,
 тихо встречает зарю.
 Плещутся волны, ветрами гонимые,
 камушки точат на дне.
 Сонно кивают леса нелюдимые
 в солнечном теплом огне.
 Плещется лето рыбешкой на отмели.
 Воды вздохнут тяжело,
 будто дожди предрассветные
 отняли нового утра тепло...
 Старые клены с руками корявыми
 лист обронили у ног.
 Небо как сито нависло, дырявое.
 Омут речной занемог.
 В воздухе – нежное благоухание.
 Трав пожелтевших атлас.
 Медленно стынет земное дыхание...
 Лето уходит от нас...

Тернополь

